

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

Шекспировские спектакли

ПИСЬМО
ИЗ ТБИЛИСИ

Шекспировские постановки на сценах Грузии и Армении имеют славные традиции. Трагедии Шекспира были отлично переведены непосредственно с английского на грузинский язык И. Мачабели, на армянский — О. Масегианом. Образы шекспировских героев, воссозданные на армянской сцене Петросом Адамяном и на грузинской — Ладом Мехишвили и Мариам Сапаровой-Абашидзе, стоят в ряду лучших воплощений этих образов в мировом театре. И в наши дни грузинскому и армянскому театрам есть чем похвалиться: грузины имеют таких Отелло, как А. Хорава и А. Имедашвили, армяне — таких, как В. Палазян и Г. Джанибекян.

В дни отечественной войны высокая трагедия более, чем когда-либо, волнует зрителя и актёра. Масштабам событий наших дней, глубине переживаний советских людей импонирует величественность образов Шекспира, сила их страстей, непримиримость их борьбы. И вот 1942 г. принёс нам два новых и значительных шекспировских спектакля на армянской и грузинской сценах.

«Гамлет» в ведущем театре Армении — театре им. Сундукяна — спектакль неровный. В нём нетрудно обнаружить смешение элементов новаторства, хорошей традиции и упрямой рутины. Рутинны, например, сцены с тенью отца Гамлета, которые, очевидно, театром не поняты. У Шекспира в начальных сценах трагедии живёт ощущение тревоги. В этой атмосфере предстоит действовать Гамлету, и сцены с тенью отца наиболее ярко её характеризуют. В спектакле же тревога, пронизывающая начало пьесы, не передана.

Постановщику, заслуженному деятелю искусств Армянской ССР А. С. Бурджалю, удалось массовые сцены (например

пантомима в эпизоде с актёрами). Хорошо поставлена сцена похорон Офелии. Но трагедийная атмосфера чувствуется лишь в последней картине спектакля.

В различных трактовках образа Гамлета, принадлежащих народным артистам Армянской ССР В. Вагаршяну и Г. Джанибекяну, новаторское и традиционное проступило отчетливо.

Оба исполнителя играют мастерски. Оба отказываются изображать Гамлета слабым человеком. Но сила и темперамент Гамлета понимаются и выражаются ими по-разному. Если Гамлет — Джанибекян выходит на сцену взволнованным, то Гамлет — Вагаршян охвачен, поглощен страстью. Он весь устремлен к решению одной задачи. Вагаршян играет Гамлета-мыслителя. Но его мысль не расслабляет воли, а, напротив, толкает Гамлета к действию. Сила этого Гамлета — в его бодрой воле, в воле к действию. Его ирония подчас переходит в сарказм. Так в исполнении Вагаршяна возникает страстность, столь отвечающая существу шекспировской драматургии. Страстный, волевой и действительный Гамлет Вагаршяна особенно близок нашей эпохе. Этот образ — плод новаторства.

Наряду с трактовкой Вагаршяна вполне «законна» и трактовка Джанибекяна, в которой видна хорошо понятая традиция. Гамлет у Джанибекяна тоже мучим мыслью. Однако тут мысль направлена преимущественно на преодоление внутренних противоречий: Джанибекян делает упор на психологические терзания Гамлета. И если Гамлет — Вагаршян гибнет потому что этот большой человек не в силах выбраться из сетей глубоко чуждых ему мелких интриг Клавдия, то Гамлет, созданный Джанибекяном, обречён на гибель, так как к его конфликту с окружающим миром прибавляются еще и раздирающие его самого сомнения.

Не меньший интерес, чем ереванская постановка «Гамлета», представляет тби-

лисский спектакль «Ромео и Джульетта».

Постановка «Ромео и Джульетта» в грузинском ТЮЗе — примечательное явление в театральной жизни и потому, что идейно-художественное решение этого спектакля несомненно значительно, и потому, что серьёзнейшая работа над ним (как и над «Гамлетом» в Ереване) проделана в грозные и трудные дни войны, и потому, что это — первая грузинская постановка «Ромео и Джульетты» (если не считать случайной постановки в Сухуми).

Театр совершенно правильно акцентирует не гибель Ромео и Джульетты, а их прекрасные чувства и стремление к торжеству этих чувств. Так возникает в спектакле ощущение светлого и воинствующего оптимизма. Отсюда — отлично поставленная карнавальная пантомима, открывающая спектакль, и апофеоз, великолепно найденный постановщиком народным артистом Грузинской ССР А. Такайшвили. «Ромео и Джульетта» на пьедестале. Это выглядит, как памятник, на покое которого можно было бы написать: «Любовь сильнее смерти». Создавая свой спенический вариант текста, А. Такайшвили учёл особенности детской аудитории театра и устранил многие из комедийных сцен. Несмотря на это, весь спектакль пронизан жизнеутверждающим пафосом.

Театр сумел не только приглушить мрачное звучание трагедии, но ещё и органически объединить в постановке дух мужественности, продиктованный суровыми нравами эпохи, с лиризмом, навеянным сюжетом, а всему спектаклю — придать характер поэтического воспоминания о давно прошедших временах. Этому характеру представления отвечают превосходно написанные художником Н. Казеби декорации: тонко воспроизводящие старинные пейзажи с их мягкими контурами и нежными тонами. Такова же и проникновенная музыка О. Барамидзе. Редко удаётся видеть спектакль, в котором достигнуты такое полное художест-

венное единство всех его элементов и такая точная их слаженность. Отличную работу Такайшвили над «Ромео и Джульеттой» характеризуют ясность художественного мышления, замечательная выразительность всех использованных пластических средств театра и, разумеется, глубокая продуманность образов.

Если и не все актёры оказались здесь на высоте требований, предъявляемых трагедией Шекспира, то, во всяком случае, исполнители главных ролей достигли многого. У заслуженной артистки Т. Твалишвили Джульетта в начале спектакля — девочка, наивная и непосредственная. Но вот просыпается в ней любовь, и вместе с любовью — женственность во всём её обаянии. Джульетта борется за своё счастье, и в этой борьбе крепнет сила её духа. Рост личности — таков процесс, совершающийся в Джульетте — Твалишвили. Подстать этой Джульетте пламенный Ромео, тоже мужавший под влиянием своего чувства и так же отважно борющийся за своё счастье. Роль Ромео хорошо играет В. Арешидзе.

Отлично осуществив труднейшую задачу воплощения трагедии Шекспира, грузинский ТЮЗ зарекомендовал себя, как талантливый коллектив, подготовленный к решению сложных художественных проблем.

В дни, когда народы Советского Союза ведут героическую борьбу с фашизмом, особенно знаменателен успех шекспировских спектаклей на сценах двух древнейших по своей культуре народов нашей страны. При всем различии этих спектаклей их объединяет основное. Они утверждают непреодолимые культурные ценности, которые советский народ защищает от фашистского мракобесия. Они прославляют воспетые великим гуманистом высокие чувства человеческой души, защита которых составляет моральную сущность нашей борьбы.